

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДМИТРИЯ БУРАГО
КИЕВ – 2011

УДК 821.161.1(477)-31
ББК 84.(4Укр=Рос)6-44
М 63

Эльга Мира

М 63 СКОРЛУПА : роман / Эльга Мира. – 2-е изд., испр. и доп. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2011. – 400 с.

ISBN 978-966-489-083-7

«Скорлупа» – эпатирующая книга о любви и влечении, о чувствах и чувственности, о боли, насилии, запретах, страхе и комплексах... «Быть собой или казаться?», «Существовать в скорлупе без надежды найти себе подобного, подчиняясь силе Большинства, или прорваться сквозь мораль тех, на кого ты совершенно непохож?» – вопросы, которыми живет главная героиня романа.

Психологизм, динамизм, глубина, изящность повествования о судьбе молодой женщины и ее чувственном, а порой и безумном внутреннем мире поражают читателя.

Великолепно переплетая два мира – французских реалий и японских ритуалов, автор предлагает читателю увидеть, как страх показать миру себя истинного делает из людей изгоев, обреченных на унижительное одиночество. И только тот, кто способен вырвать из себя этот страх, станет свободным...

ISBN 978-966-489-083-7

© Эльга Мира, 2010

© Эльга Мира, с изменениями, 2011

© Издательский дом Дмитрия Бурого, 2011

Эльга Мира

СКОРЛУПА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует критерий достоинств, прочитанной книги: если после того как книга прочтена, захотелось продлить удовольствие, вы начинаете перелистывать ее вновь. Этот критерий носит, конечно, субъективный оттенок, поскольку читающей публики становится все меньше, а внимательно читающих персонажей не доставало всегда. Нынешнее время, оказывается, пожалуй, одним из неподходящих ни для пишущего человека, ни для читателя. Однако если вспомнить М. Пришвина, секрет творческого таланта заключается в личном поведении автора, а не в ориентации на читательский глаз.

«Скорлупа» Э. Миры – роман многолинейный. Без оговорки отношу к нему высокое слово: вдохновенность, что так редко можно встретить за нынешним письменным словом.

Э. Мира строит повествование как киноленту: брошенные на воображаемый экран, снимки предлагают читателю возникновение, рост и завершение картины, своего рода накопление ее в толщину, а не в длину. Такая интерпретация образов романа оказывается довольно точным аналогом литературного пейзажа, то есть ландшафта главных тем, сотканых кинематографически, из слов, идущих вослед предыдущим словам.

В главном персонаже, Поле, можно увидеть не женщину, которая никак не найдет гармонического удовлетворения, хотя читает хорошие книги (упоминательная клавиатура имен вызывает уважение: Мейстер Экхарт, Леопольд фон Захер-Мазох, Арагон, Фаулз, Юнгер, Эвора), и потому выносит это желание вовне — в поиск мужчины, но — некий достаточно редкостный и тем не менее стереотипный обобщенный характер человека, находящегося в трубе трудного духовного роста. Известно ведь, что мы не выбираем в спутники только родителей и детей, а выбираем лишь мужа/жену, и ошибаемся. Кажущийся смешным иноземный тезис: «*Liebe, Liebe, über alles*» подтвержден в книге совершенно серьезно (действие происходит во Франции и в Японии, на Западе и на Востоке), и это одно из ее достоинств. Как водится, юность должна сомневаться, и она сомневается, она должна искать — и она ищет (порой неведомо чего), должна заноситься — и заносится, очаровываться и разочаровываться — и очаровывается, и разочаровывается, испытывать естественные искушения плоти — и она их испытывает, да еще как испытывает. Как бы ни было, образ Пола овеян симпатией и располагает к себе читателя, схожего

с ней по внутренней противоречивости и настроению.

В «Скорлупе» нет многозначительной созерцательности, которая бы окрашивала центральные нити романного сюжета в ненужные цвета: и Париж, и японские сады (с непременною сакурой) даны необходимо и достаточно, и веришь, что это Париж и японский сад, и японская девушка мастерски мастерит чайную церемонию, центральные кварталы европейской столицы полнятся бензиновой гарью, а выдумка не пахнет нарочитой придумкой. Здесь мысль и действие слиты, то есть мысль активна. Роман Э. Миры относится к типу произведений, основное содержание которых может быть исчерпано только ими, и трудно сказать о ней больше, чем сказал сам автор эдакой «песни торжествующей любви».

Читателю не приходится жалеть, что он взялся за роман, а это само по себе большой плюс: не убийство времени чтением в наше плохочитающее малолюдье, но прибавление опыта, которого у тебя, возможно, и не было, а если и был, то – еще одна возможность поглядеть на него со стороны, откашляться, отринуть, и понять: как хорошо, что все описываемое происходит не с тобой. Это лишнее

подтверждение, что только та строка способна стать необходимой для читателя, которая сама родилась из чувства внутренней необходимости.

Стоит подчеркнуть, что темперамент автора («коль любить, так не на шутку, коль ругнуть, так сгоряча»), составляющий одну из привлекательных черт повествования, никогда не толкает его к пережиму. Бойцовский темперамент, эмоциональная выразительность, идейный накал – завидные стороны писательских способностей Э. Миры.

Молодеческое бахвальство ложится художественным мазком, обидная для других задиристость в образе человека «с обостренным эмоциональным восприятием мира» (как говорили встарь) окупается лепкой характеров живых и занимательных. Автор персонажей не выдумывает, а выхватывает из жизни со всеми особенностями их психологии и в портретных характеристиках: ты будто видишь этих людей на улице, но – в «скорлупе».

Альковные сцены, к которым так привык читающий современную прозу читатель (или кинозритель), в «Скорлупе» описаны со вкусом, их сюжетику остановлена там, где все и так становится понятным. Это прием, достаточно ныне редкий. Острота нарисо-

ванной картинке, безраздельно главенствует в романе, картинность изображенного ярка, зрима, что свидетельствует о безусловной завершенности и условной художественности. Многие сцены (например, полумазохистский коитус Пола и Доменика в захламленном подвале) оставляют отчетливое зрительное впечатление. Такую пластичность описания можно встретить разве что у Алексея Толстого. Может, поэтому следует закончить эпиграф к роману так, как он завершен в анонимном оригинале: «*Omne animal post coitum triste est, praeter mulierem gallumque*» – всякая тварь грустна после соития, кроме петуха и женщины.

Душевное равновесие, к которому стремится героиня, оптимизм, которым она самоудовлетворяется и самовоспитывается, приходят с возрастом, и оттого удивительным образом по-прежнему «в сердце не скудеет нежность» (Тютчев).

Андрей ПУЧКОВ

академик Украинской академии архитектуры

Киев, 14.03.2011

*Общество обезболенных – это стерильное
и анестезированное общество индивидов.
Если на пределе боли человек лишается
рассудка, то что происходит с рассудком
абсолютно обезболенного тела?*

Эрих Юнгер

ЧАСТЬ 1

ФРАНЦУЗСКАЯ

Г Л А В А

1

Когда психическое возбуждение поработает тебя, жуткие гнетущие сны превращаются в реальность, а жизнь – в страшный неисчезающий кошмар, когда остатки твоего сознания из последних сил борются с нарастающей энергией, а эта энергия разрывает тебя в клочья, причиняет страшную муку и физическую боль, ты становишься марионеткой, распятой своими же эмоциями, изуродованной кровавой массой в руках безжалостного убийцы. Не можешь ни на чем сосредоточиться, кроме этой силы, изнуряющей до психоза. Ты, словно изъедаемое червями трухлявое дерево, рассыпаешься в пыль, из которой никогда не прорастет ничего живого!

Иногда приступы уходят на месяцы, и, кажется, наконец от них избавилась, но подступающая тошнота или сильные головные боли, тоска, апатия, а потом яростный ничем не обоснованный гнев каким-нибудь утром, днем или вечером снова оповещают о возвращении депрессии.

Сколько она себя помнила, так было всегда...

Рассеянно перебирая апельсины в пластиковом контейнере фруктового отдела супермаркета, который находился в одном квартале от ее дома, Пола уже несколько минут, монотонно покачиваясь взад-вперед, пыталась справиться с нахлынувшим на нее приступом жгучей ненависти к каждому человеку и ко всему человечеству в целом! Злость и раздражение, появившиеся еще утром, в этот миг переросли в невыносимо гнетущее состояние. Когда-то оно перемежалось с циклами безумного подъема и пусть странными, но все же блестящими идеями. И вот уже больше года нет ничего, кроме удручающей пустоты и глубокого безразличия ко всему.

– В чем дело, дорогуша? Тебе снова не здоровится? – послышался злорадный шепоток.

– Я ни черта не слышу! – сквозь зубы процедила девушка, быстро положив четыре апельсина в кулек.

Бросив в тележку собранные в пакет фрукты, Пола уже было направилась в бакалейный отдел, как вдруг, передумав, вернулась обратно и ни с того ни с сего стала заново неторопливо перебирать манящие цитрусовым ароматом плоды. От прикосновения к их шершавой кожице тело девушки наливалось знакомым чувством трепетного волнения и сладостным оживлением. Грубая поверхность всегда отвлекала от недобрых мыслей, создавала иллюзию ощущения человеческой плоти, возбуждая желание. И теперь, решив перевести невроз в особую плоскость под названием «эротич-

ческие фантазии», Пола, закрыв глаза, мысленно попыталась оживить в памяти объекты желаний – мужчин и женщин, когда-либо появлявшихся в жизни. Но на сей раз ничего хорошего из этого не вышло. Мысли о сексе только обострили раздражение. Быстро оплатив все, что так долго сиделась приобрести, она вышла из магазина. На улице психоз усилился, от чего ее красивое лицо приобрело болезненный, почти землистый оттенок, словно весь мир, погружившийся в одночасье во тьму, превратил его в свою зловещую тень. И, уже оставив попытки держаться достойно, Пола быстро устремилась по улице, яростно желая достичь своего дома раньше, чем адская карусель закружит ее на своих лошадях.

Район Сен-Жермен-де-Пре, в котором жила Пола Пауль, был воистину одним из самых буржуазных мест Парижа. Забитый бутиками известных дизайнеров и антикварными галереями, он лениво купался в славе былых лет, пришедшей к нему благодаря писателям и поэтам, облюбовавшим этот квартал в начале XX века. В настоящий «парижский миф» он, конечно, превратился намного позже, в первое послевоенное десятилетие, когда философы-экзистенциалисты Сартр и де Бовуар, поселившиеся в доме на углу площади Сен-Жермен и улицы Бонапарт, стали собирать своих друзей в легендарном кафе Les Deux Magots и устраивать там бурные обсуждения литературной и общественной жизни.

Завсегдатаями незатейливых кафе, пивных баров и дансингов, проросших, словно грибы, в каж-

дом подвале улицы Сен-Бенуа, были в разное время Жерар Филип, Альбер Камю, Жорж Батай, Луи Арагон. Буйная молодежь, накаченная пастисом и абсентом, лихо отплясывала под джаз, прожигая жизнь. Она ни минуты не жалела о пролетающих годах, просто продолжала творить мировые шедевры и создавать особую ауру Сен-Жермен. Ни Монмартр, ни Монпарнас даже в самые лучшие свои дни не видали такой концентрации интеллектуальной страсти и творческой энергии, как этот примостившийся возле Люксембургского парка район. Но в середине 50-х век Сен-Жермен так же внезапно закончился, как и начался, и с тех пор сумасшедший вихрь бунтарства, закрутивший в свою воронку не одно поколение, не возвращался сюда. В наши дни по вечерам здесь, как и прежде, собирается в старых кафе интеллектуальная молодежь из близлежащего Латинского квартала, пытаясь воскресить литературных духов, но днем район обычно вымирает: тихий и уютный, он далек от всех бизнес-встреч, скопища людей и сумасшедших автострад. Дома с кружевными окнами, аллегорической лепкой на фронтонах и маленькими ухоженными клумбами целыми днями манерничают с прохожими, лениво жмурясь от солнца. Мягкий шепот листвы очень редко нарушают чьи-то неторопливые шаги, а в сени ветвей платанов играют птицы, непугливые, незаискивающие, всегда сытые и довольные жизнью.

Миновав небольшую каштановую аллею, Пола направилась к стеклянной фруктовой лавке

одноногого ливанца Хасана, который славился во всей округе сахарной айвой и сладчайшими персиками, а также умением починить любую вещь лучше заправского мастера. По этой причине все ненужные безделушки стаскивались к нему сутками. До дома оставалось метров семьсот, и, пожалуй, можно было бы уже перестать торопиться, но все сильнее раскалывалась голова, а мысли бурлили, закипая. Пола, ускорив бег и яростно желая обогнать свою боль, в какой-то момент потеряла бдительность. Эта оплошность оказалась досадной неприятностью для случайно появившейся из-за угла пожилой женщины в белой панаме с меланхолично посапывающим пекинесом на руках. Сила удара, конечно, не была значительной и, скорее всего, не причинила бы никакого вреда милой даме, если бы только от испуга дремавшая на руках собачонка, не описалась прямо на кружевное платье хозяйки. Оскорбленная таким предательством своего любимца, старушенция, раздраженно сбросив псину с рук, крепко выругалась и, обиженно поджав губу, отошла в сторону. Появившаяся из ее маленького ридикюля и зажатая злобно в зубах папироса «Жетан», заправский мат женщины заставили Полу сначала улыбнуться, но они же в сочетании со старческой в пигментных пятнах рукой, нервно протирающей платком одежду, произвели несколько удручающее впечатление. Единственное, что смогло остановить Полу в этот момент, было чувство глубокой вины. Взяв из рук старушки грязный платок, девушка протянула ей мокрую салфетку.

– Хотите, я помогу вам привести себя в порядок? – спросила она краснея.

– Перестаньте бегать как сумасшедшая, иначе не себя, так кого-то покалечите, – довольно дружеским тоном заговорила незнакомка, не обращая внимания на ее вопрос.

– Извините, у меня были на это веские причины, – попыталась оправдаться Пола.

– Причины всегда веские, – стряхнув в ладошку пепел, пожилая дама пристально посмотрела в ее глаза. – Ладно. Ступайте. Помогать мне не надо.

– Хорошо.

Пола снова бросилась бежать под тихий старческий смех.

И вот заветная дверь, а за ней защита от мира. Как же вовремя она успела, ведь именно в этот момент все тело, каждый сустав, каждая косточка заныли, ощутив на себе пришествие нового приступа. Сколько на этот раз понадобится сил, чтобы справиться с ним? И стоит ли бороться с тем, что никогда не уйдет бесследно? От напряжения заслезились глаза и вспотели ладони. Сконцентрировав мощь энергии в гулком выдохе, поожем, скорее, на стон или крик, Пола попыталась подавить подступившую к горлу истерику. Ничего не вышло. Когда начинался приступ панической атаки, степень внутреннего невротического напряжения вырастала в сотни раз и было просто невозможно сосредоточиться на каких-либо конкретных вещах. Зачастую психоз чередовался с залипанием на одном предмете и все вокруг переставало существо-

вать. В такие минуты уходил даже страх, являющийся почти перманентным ее состоянием. Потом вдруг срабатывал переключатель и остановившееся время внезапно начинало набирать обороты. Вихрем мчалась земля из-под ног. Поэтому, каждую ночь засыпая с необъяснимой тревогой и просыпаясь от безысходной тоски, пробирающейся, как шпион, сквозь сны в реальность, Пола в ужасе думала: «Как долго я смогу продержаться, ведь дальше будет еще хуже?» И вот сейчас, когда жизнь снова показала ей средний палец, просто безудержно захотелось плакать, даже и не плакать, а скулить, выть, царапаться, разодрать всех в клочья «Ни в чем нет спасенья, даже в вере» В бешенстве она бросилась на кровать. Вдох – выдох, вдох – выдох. Удары сердца – словно топор палача, опущенный на обреченную голову горемыки. Сердцу нравится подыгрывать страху, пустоте, где его биение звучит как раскат грома. Монотонно покачиваясь на кровати из стороны в сторону, девушка отстраненно уставилась в потолок. Там, где-то в высоте, есть Бог. Она это знала наверняка. Но помнит ли Бог о ней?

Пытаясь избавиться от нахлынувшей горечи, Пола вышла на небольшой балкон, словно ласточкино гнездо свитый старательным архитектором. На улице в песочнице играла детвора. Она посмотрела на нее безучастно. Странно, Пола никогда не испытывала тягу к детям, они очень редко вызвали в ней трепетные чувства. «Единственное достойное призвание женщины –

материнство», – не уставал напоминать ей муж, и комплекс вины потихоньку перерос в комплекс неполноценности. Сначала Пола отщучивалась, но упреки со стороны Жозефа становились все агрессивнее, а разговоры о детях из гипотетических планов превратились в отвратительную и невыносимую тему. Конечно, она собиралась в будущем родить ребенка, более того, совершенно была уверена, что будет любить его сильно и беспредельно, но сейчас об этом не могло быть и речи! Слишком ответственным был шаг, перед которым она пасовала.

– С рождением ребенка я умру как личность, – повторяла затравленно Пола.

– Глупости! – раздражался Жозеф. – Все женщины рожают. Ты не хуже и не лучше их. Продолжай придумывать отговорки, если тебе так проще. А я хочу детей. Мне уже тридцатник! Да и тебе давно не двадцать. Подумай, пожалуйста, об этом!

– Подумаю, – в очередной раз обещала она.

Колющий холодный поток ударил в лицо, заставив слегка поежиться. Цветы в вазоне задрожали, будто былинки в поле. Какие же они беззащитные! То пригнут свои головки к земле напуганно, то робко поднимут их в ожидании, стебельки, словно шейки, вытянув. Не успела Пола прикрыть колокольчики руками, пытаясь защитить от беды, как они тут же благодарно прижались к ее ладоням. «Ох, вы мои нелукавые молчаливые красавцы, нет в вас глупой человеческой горделивости, а только интуицией природы живете», – подумала она ласково.

Спустя минуту ветер стих, и, отойдя от своих зеленых подопечных, Пола присела в раскладное деревянное креслице под самодельным тентом, прикрыв ноги лежащим на подлокотнике пледом.

«Когда меня не станет, исчезнет и все, что наполняло меня, мучило, жгло. Но ведь это будет только тогда, когда меня не станет. Парадокс в том, что я, как любое существо, хочу жить, но жить тем, кем я есть, становится все более невыносимо». Она глазами, полными тоски, посмотрела вдаль. Париж – город, где она родилась и выросла, всегда вызывал в ней некую брезгливость наигранным человеколюбием и фальшивым либерализмом. На самом деле ничего, кроме сплошного консервативного отрицания, в нем не было.

Пола закрыла глаза, облегченно вздохнув. Приступ отступил. Но странно, в этот раз подозрительно быстро. Уже и не счесть, сколько их было за всю жизнь – коротких и длинных, нестерпимо болезненных, разрывающих мозг и опустошающих душу, словно невообразимо оглушительный по силе торнадо пронеслся каждый раз сквозь нее, унося с собой все человеческое и превращая живое в тлен. Слава богу, теперь, спустя годы, научившись управлять эмоциями, от которых зависел успех адаптации во внешней среде, и приспособившись к правилам Большинства, она уже не так безумно боялась выказать непохожесть, которую когда-то приравнивала к слабости. И все же, меланхолично взирая изо дня в день на жалкие потуги маленьких человечков непременно выйти за рамки ор-

динарности, Пола презрительно думала: «Эх вы, глупая орда, как же вам всем хочется выделиться, почувствовать себя вне закона, вне времени, вне обстоятельств, хоть раз расстегнуть ширинки и вывалить на обозрение всем никому не нужные достоинства! О, хмельное чувство потери меры! Знали бы вы его истинную цену!»

Именно эту неуловимую меру мучительно искала Пола всю жизнь, каждый раз яростно кляня себя за невозможность искоренить в себе те качества, которые окружающее старалось принимать за чудачества и разнузданность. Да, конечно, придуриваться блаженным, подыгрывая обществу, проще всего, труднее найти силы, чтобы признаться: «Все, что со мной происходит, совсем не причуды и не менструальные дни, и не просто хандра или неудовлетворенность жизнью. Я больна. Душевно больна. Но в этом нет ничего зазорного. Люди страдают артритами, астмами, мигренями или геморроидальными трещинами, почему же душевный недуг должен ставить человека в разряд низших существ и заставлять чувствовать себя изгоем?»

Ты уверяешь себя, что тебе нечего стыдиться, и все же продолжаешь скрываться за семью печатями страха, подстрекаемая обществом, биологическим отбором, «идентификацией соответствия», матерью, отцом, друзьями, школьной учительницей, пристально изучающей твои глаза из-под маленьких биноклей, почти спадающих с носа. «Какого черта?! Какого чер-

та я слушаю вас, забиваясь в угол от чувства неполноценности, пытаюсь улыбаться в тот момент, когда хочется истерично орать» – думаешь ты и все-таки улыбаешься, боязливо озираясь: ведь мир не дремлет, он ждет, когда же эта несчастная беглянка наконец оступится и упадет, чтобы тотчас дать отмашку на уничтожение! А тебе не хочется быть уничтоженной, ты не желаешь быть стертой с красивых страниц глянцевых обложек, из списка долгосрочных строительных проектов или кредитных карточек банка Райффайзен. Даже из никому не нужного дневника маникюриши, записавшей тебя на среду в педикюрный кабинет, ты тоже не хочешь быть вычеркнутой. И всему виной эта проклятая боязнь несоответствия! Именно она заставляет тебя подстраиваться под мир любой ценой, пусть даже путем уничтожения собственного «Я» или потерей личного достоинства, вынуждает признавать ненужные ориентиры Большинства как благо, Богом данное! И ты спрашиваешь себя: «До каких пор я буду марионеткой в этой подстриженной, как майский газон, жизни?» Но вопрос звучит нерешительно, он отстукивает в голове монотонно, как капли, барабаниющие по дну стального умывальника.

Пола уже много раз задавалась подобным вопросом. Иногда, раньше, он будоражил не на шутку, приводил в замешательство, провоцировал душевное смятение и даже побуждал к определенным смелым действиям, но в ко-

нечном итоге, когда до судьбоносного решения оставался лишь один шаг, – бунтарка малодушно отступала назад, стараясь изо всех сил скрыть переживания от чужих глаз. Приспособившись к требуемым от нее ролям, Пола совершенно органично научилась вписываться в современный мир с его бешеным ритмом и выматывающими правилами, чувствуя себя время от времени вполне реализованной и даже удачливой. В такие дни ее уставшая душа предательски шептала: «Может, действительно, и не существует другой Пола? Может, эта реальность и есть модель удобного для тебя мира?»

Ну что же! В наше время, когда ложные ориентиры подменили настоящие ценности, а на место глубокого чувства пришли поверхностная сентиментальность и истерическая слезливость, кто может сказать, в чем счастье современного человека – в ощущениях внутренней свободы, горизонтам которой следует простираться безгранично, или в своеобразной дебилоидной скованности, способствующей выживанию?

Г Л А В А

2

С раннего детства Пола казалась странным ребенком: слишком экспансивным, чувствительным, с несвойственными детской психике фоби-

ями, одной из которых был неподдающийся никаким аргументам неистовый страх перед смертью. Он разрывал ее крошечное тело в клочья, вызывая порой приступы невероятной по силе безумства ярости, в минуты которой окружающим людям начинало казаться, будто в любом диком животном больше человеческого, нежели в этом хрупком создании, жадно цепляющемся за жизнь своим хилым здоровьем. Истерические припадки хоть иногда и предварялись настроением повышенной плаксивости или, наоборот, возбужденного, игривого смеха, в общем почти всегда начинались внезапно, словно по щелчку, место и время при этом не имели значения.

– Я не хочу умирать! Не хочу! – визжала девчушка, задыхаясь от ужаса, в очередной раз всполошив посреди ночи всю семью. – Mamочка, помоги мне! Я не хочу умирать!

– Хватит! Прекрати истерику! – грозно прикрикивал отец на вцепившуюся в мамину руку дочь.

– Ты тоже умрешь! Мы хуже глиняных кукол, нас не слепишь заново! – продолжал твердить, как в бреду, ребенок.

Мать, глядя маленькую головку, щечкой прижавшуюся к ее ладони, потерянно смотрела на дочь. Пытаясь прогнать чувство вины, появляющееся всякий раз при виде страданий ее ребенка, она думала в отчаянии, прижимая к себе истерзанное переживаниями худенькое тельце: «Господи, как мне помочь ей!»

Но когда проходил момент очередного «обострения», Пола снова превращалась в нормаль-

ного ребенка. На какое-то время все, вздохнув облегченно, забывали об изуродованных куклах, выпотрошенных игрушках, убеждая себя в эксцентричности и избалованности девочки, не желая даже и мысли допускать о каких-либо психических отклонениях их «маленькой принцессы». Выбрав тактику «Перерастет!», родители, в общем-то, по-своему оказались правы. К моменту поступления в школу внешняя жизнь настолько захватила девочку, что у юной Пола не осталось времени предаваться тяжелым мыслям. Друзья, учеба, первые сексуальные эксперименты увлекли ее в бурлящий бегущий мир, оставив позади уныние и тоску. И все бы было ничего, если бы не одна маленькая, но довольно неприятная деталь.

Пола слышала голоса. Они преследовали ее долгое время с детства, кружились в голове, словно рой назойливых мух, от которых было невозможно отмахнуться. Один из этих голосов порой становился настолько навязчивым, что бедный ребенок, не выдерживая его монотонного, осуждающего тона, плакал и бил себя кулачком по лбу, пытаясь освободиться от плена. Но ничего не помогало. Бичевание голосами продолжалось, и, словно осужденная на «пожизненное», Пола свыклась с присутствием в мозгу целого полчища чужих «осуждающих» тетя и дядь. Само собой разумеется, рассказывать родителям о таком «сожительстве» Пола не решалась отчасти из-за смутного страха быть непонятой и наказанной, отчасти из-за тайного тщеславия, которое

к тому времени уже просыпалось в ней. Ореол таинственности и мученичества пленил роковым трагизмом, и, будто постоянно нуждаясь в истязании собственной души, девочка осознанно умалчивала проблему от взрослых.

Однажды в голове Пола возник еще один образ. Он появился видением неизвестно откуда и сразу стал очень близким и дорогим. Так Пола впервые познакомилась с Богом, именно познакомилась, а не познала, ибо сотворив его для себя (как по крайней мере ей хотелось думать), она даже и не предполагала о существовании Его доселе. Бог жил с ней, жил в ней. Пола была безумно счастлива и душевно спокойна до тех пор, пока однажды не узнала, что «Господь – постоянное общественное». Что-то слишком Личное стало Всенародным. Этот удар девчужка пережила стоически, но простить предательства не смогла.

«Бог мой!»

«Нет! Он общий!»

«Так не может быть! Общий – значит ничей!»

С этого дня Пола ощутила готовность владеть только тем, что принадлежит ей, и только ей безраздельно, сделав категорический вывод: общий пирог не для нее, особенно если это касалось дружбы, любви и секса.

Кстати, Поле всегда казалось, что она родилась с мыслями о сексе. Вспоминая, когда же впервые ее посетил эротический импульс, она переносилась в год под номером пять! Именно с этих времен начиналась яркая пора необузданных безграничных фантазий, терзавших тело и днем и ночью, подглядываний с замирающим сердцем

в раздевалках за взрослыми, робких поглаживаний себя тайком под одеялом. И чем старше становилась девчушка, чем яростнее страх смерти преследовал ее, тем безудержней пробуждались в сознании эротические переживания, сплошь испещренные кровью, жестокостью и насилием. Вынашивая в голове очередную кровожадную историю, маленькая хищница сначала впадала в дикое сладостное возбуждение от пережитого, словно наяву, действия, а после, затравленная собственным чувством стыда, погружалась в уныние и депрессию, изъедая себя угрызениями совести. Но как только в отчаянную голову приходила новая фантазия, сознание сразу же затуманивалось и, будто попав во власть страшных чар, Пола, ведомая темной силой разрушения, начинала испытывать невероятный по ощущениям всплеск страсти, обжигающий, будто языки пламени.

В восемь лет у нее случилась первая физическая связь с подругой по имени Кларисс. Кто стал инициатором странной однополый любви – впоследствии оказалось вспомнить трудно. Была ли зачинщицей отношений Пола, чья зажигающая энергией сила требовала все новых и новых ощущений, или это Кларисс, белокурая девочка-бельгийка из неблагополучной семьи, поманила распущенностью, сказать было невозможно. Да и разбираться в причинах приятельницы не собирались, по крайней мере, в те незабываемые для обеих месяцы. Попросту им было тогда не до этого! Приходя в неопикуемый восторг от про-

водимых друг над дружкой непристойных экспериментов с любыми предметами, попадающими под руку, паршивки ухищрялись каждый раз изобрести какой-нибудь новый «приемчик», от которого кругом шла голова. И чем сильнее бесстыдницы ощущали запретность поступков (ведь застань их взрослые за такими занятиями, могло последовать суровое наказание), тем более волнующими становились их тайные свидания. Иногда, жаждая новых ощущений, в своем распутном баловстве они заходили слишком далеко, но в тот благословенный период испорченные и все же чистые души девочек совершенно не смущала развращенность их еще не познавших настоящей любви натур. Спустя годы Пола часто вспоминала одну историю, о которой никогда никому не решалась рассказать по разным причинам.

В их дворе жила девочка лет четырех, очень капризная и неприятная толстуха, по имени Жанет. Вид у нее был слегка дебильный, да и всем своим существом она смахивала на жертву, поэтому дружить с ней никто не хотел. Пола и Кларисс терпеть не могли, когда эта мелюзга приклеивалась к ним на улице, к тому же девочка очень плохо разговаривала, что совершенно раздражало подруг. Однажды, окончательно пресытившись любыми перепробованными методами возбудить друг друга, они решили «поэкспериментировать» над Жанет.

– Будем играть в больницу, козьявка! – сказала ей Пола тоном, не терпящим отговорок.

Неуклюжая пышка с испугом посмотрела на заговорщиц.

– Ты будешь ее держать, а я буду лечить, – подмигнула Пола подруге, улыбаясь.

Та, как по команде, схватила девочку за плечи и прижала к скамейке.

– Не бойся, операция пройдет легко, – успокоила Кларисс Жанет. – Может, заговоришь быстрее.

Пола вытащила из рюкзака карандаш и, быстрым движением стянув с ребенка трусики, стремительно воткнула деревянный кол прямо в маленькую промежность жертвы. Жанет закричала истошно и описалась, а Пола с удивлением почувствовала, как обильно увлажнились и ее собственные трусы, но совсем по другому поводу! Тепловая волна, накрывшая девочку в момент дикой выходки, оглушила внезапным ощущением безграничного пьянящего счастья и вдруг оправдала и наполнила смыслом все странные видения, будоражащие сознание Пола яростной заражающей смелостью вот уже несколько лет. Смысл этот, как оказалось, очень прост – любое стремление к удовлетворению, а вместе с ним и к удовольствию, достигается через насилие, или, другими словами, насилие есть движущая сила всего сущего, пронизавшая мир от микро до макрокосмоса. Только успевший сформироваться эмбрион белой акулы уже в матке пожирает недоразвившихся собратьев; мятежники, за хлебом, выходящие на баррикады, подсознательно рассчитывают на зрелище крови и жертв,

желая удовлетворить потребность в насилии. И так во всем с самого начала бытия. Пьянящее состояние вседозволенности, наделяющее человека странной звериной жестокостью, словно наркотик, поработает его своим желанием ощутить удовольствие Абсолюта и безграничную силу Бога.

Конечно, всего этого не дано было понять девочке в девять с небольшим, и все же, дрожа всем телом от переполняющего сердце восторга и страха, детская душа интуитивно уловила взаимосвязь между своими видениями и порочностью мира. И сразу пикантность греха, с которым Пола так искусно играла в прятки, вдруг исчезла, оставив после себя печаль и скуку. Ведь больше нечего было стыдиться и не от кого прятаться. Запретный плод перестал быть таковым, игра подошла к концу. Мир снова надул ее, скрыв тайну о том, что все люди видят сексуальные сны, стремятся удовлетворить похоть и предпочитают грубое порно нежной эротике. И никакое она не исключение из правил, просто каждый проходит свой путь самостоятельно, скрывая от других темные помыслы своей души. При мысли о том, что она абсолютно обыкновенный человек, Пола разозлилась не на шутку. А все эта глупая девка, зачем она нужна была ей?! Посмотрев на искаженное страхом лицо Жанет, Пола, бросив в песок карандаш, зло закричала:

– Давай отсюда!

Но толстуха, вжав голову в плечи, не двигалась с места, быть может, боясь очередной вы-

ходки своих мучительниц. Пола взяла свой рюкзак и махнула Кларисс рукой.

– Пошли, нам здесь больше нечего делать! Больная скоро пойдет на поправку!

Подруги зашагали прочь, крепко обнявшись.

Удивительно, но Жанет не пожаловалась родителям на обидчиц, сохранив тайну жуткого вандализма в маленькой поруганной душе, и поэтому жестокий поступок девчонок остался безнаказанным. И все же, каждый раз встречая их во дворе на площадке, кроха в испуге бежала прочь, а Пола с Кларисс беспечно смеялись ей вслед, искренне веря, что в их шалостях не было ничего дурного.

Неизвестно куда смогла бы завести девочек продолжавшаяся более года связь, если бы однажды семья Кларисс не решила перебраться из города в деревню, случайно положив конец развивающейся нездоровой склонности дочери. Пола известие об отъезде своей пассии восприняла на редкость спокойно. К тому моменту романтика трагической любви намного сильнее захватила ее, чем реальные отношения, успевшие уже приестись однообразием. Неумемное воображение буйными красками принялось рисовать новые картины, в которых разлученные злым роком влюбленные, страдая вдали друг от друга, то умирают от горя, то, не желая покоряться судьбе, бросаются на поиски новых приключений, а иногда и предаются, но потом все равно страдают и каются. И так заигравшись терзаниями, искусственно создав образ мученицы, Пола, отвыкшая от обще-

ния со сверстниками, вдруг впала в сильнейшую депрессию, почувствовав полную блокаду одиночеством. Прижимая к сердцу почти освященную горем фотографию подружки, она, словно тень, слонялась по местам их совместных вылазок и заливалась горячими слезами. Но вскоре чувство отлучения из ностальгии переросло в злость за вероломное предательство и убило любовь.

Проснувшись утром, Пола выбросила в окно замызанную карточку и отправилась навстречу новым эмоциям и страстям. Позднее, будучи взрослой женщиной, она часто вспоминала этот эпизод детства. Кларисс навсегда осталась в ее памяти первой чувственной связью, от которой при воспоминании нежно щемило сердце.

Поле нравились девушки и после. Часто загораясь какой-нибудь из них, она втайне упивалась своими ощущениями, с наслаждением культивируя в себе подобные чувства. С восторгом наблюдая за своей новой пассивностью, она рассуждала так: «Если бы я действительно хотела, ты бы стала моей!», и эти мысли заставляли ее пульс ускоряться, но «предмет желаний» никогда не узнавал об этом. Боязнь быть непонятой и высмеянной не давала ей сил открыться. Вероятно, Пола и не хотела никому открываться, просто продолжала искать очередную ипостась мечты о «персональном Боге», а может, просто ее желание быть непохожей на других выразилось именно в такой форме. Трудно сказать. Правда, позже была пара ничего не значащих

для нее связей с подругами. Эти мимолетные встречи без чувств, без страсти только отвратили Полу от юношеских фантазий, и она пришла к выводу, что женские губы на ее теле так же неестественны, как листва на кроне зимой. Хотя, возможно, еще одна встреча с какой-нибудь Кларисс могла бы изменить всю ее жизнь, как меняет порой ее нелепый случай, но милая сердцу Кларисс не появлялась больше. Нет, однажды они все же встретились случайно спустя семнадцать лет на углу улиц Соль и Абревуар, прямо под «Розовым Домиком» Мориса Утрилло. В дородной женщине, облепленной детишками, с трудом можно было узнать ту худенькую малышку с горящим взглядом и озорным голоском. Пола, не желая портить светлый образ своей Афродиты, быстро отвернулась и поспешила прочь, постаравшись выбросить эту встречу из головы. Но как ни силилась она вызвать в памяти воспоминания нежного возраста, горечь, появившаяся в ее душе (такая горечь возникает, когда мы понимаем, что прошлое потеряно), перевесила благодарность. Никогда нам не вернуться в детство и не удержать молодость!

Что еще было в те годы? Да много всего! То, о чем никому никогда не расскажешь, стараясь спрятать под большим амбарным замком слишком интимное, запретное, о чем не то что друзьям, но и себе многие впоследствии боятся признаться, вычеркивают из памяти, будто его не было вовсе!

Пола же ничего не хотела забывать. Наоборот, старалась помнить все, связанное с детством, оставляя эти воспоминания рядом как можно дольше. Напрасно ли она оттягивала момент взросления, пытаясь не потерять себя истинную, не утонуть в повседневности, зря ли боялась превратиться в усредненную единицу, получилось ли у нее стать таковой? Не важно. Сами ли мы творим судьбу или она творит нас? Стесняться своих страстей Пола не собиралась.

Годы летели. Школа, колледж, университет. Желания, томления, ощущения, осознания. Одни события обгоняли другие, и всего было много, и все кружилось и несло. Пола увлекалась книгами, музыкой, имела бесчисленное множество друзей и поклонников, которых покоряла необузданной энергией и красотой. И все же чего-то главного, до чего просто необходимо было дотянуться, ей не доставало. Она нуждалась в той части, при отсутствии которой не складывалась целостность жизни, в том «персональном Боге», без которого задыхалась, но только из плоти и крови, живого, кого можно будет потрогать, понюхать, ощутить, кто стал бы ее душой, телом, огнем, водой, пленом. В идеале Пола рисовала себе брата-близнеца, сладкий и манящий ореол вокруг которого создавался психофизической зависимостью, скрепленной кровными узами. Он должен оставаться всегда рядом, быть только ее, ничьим больше! Никогда, ни при каких обстоятельствах она не позволила бы ему отда-

литься, заменить себя на другую женщину или интерес! Слово «кровосмешение» не вызывало у Пола отвращения и ледящего кровь ужаса, влелеянный образ был выше всеобщей морали, а посему ни разу в жизни она не испытала ни малейшего угрызения совести от культивирования такого идеала, начиная с эротических фантазий детства и заканчивая отношениями со всеми мужчинами, появляющимися на ее пути. Конечно, Пола в глубине души прекрасно понимала, что подобные мечты наяву окажутся совершенно банальными и пошлыми. Но для того и существуют сладкие иллюзии, зная об обманчивости которых, мы продолжаем верить в них и создавать фантазмагорию. И Пола действительно верила, что где-то есть мужчина, почти брат, который станет другом, любовником, близким по духу, мышлению, порывам, который никогда не оставит и не предаст!

Будучи натурой чувственной и импульсивной, влюблялась она беспрестанно, всякий раз заболевая новым увлечением как неизлечимым недугом, что тем не менее не мешало ей легко рисковать отношениями ради собственных причуд, превращая романы в воплощение безумных экспериментов. Ей нравились конфликты, игра в трагизм, балансирование над пропастью. Маниакально уверяя себя, что страсть к очередному пареньку – всего лишь передышка по пути к большому чувству, Пола цинично добивала свою жертву, пытаясь доказать, что этот умник – не герой ее романа! Но когда, перепуганные не-

обузванным характером подружки, бедолаги действительно исчезали, порой ничего не объяснив, избегая последних встреч, покинутая и брошенная Пола всегда бежала за тенью любви, подчиняясь не чувству, а страху одиночества. Возникающая пустота причиняла невыносимую боль и порождала навязчивое желание вернуть то, что безвозвратно потеряно. Давая слово не повторять прежних ошибок, она снова и снова загоняла себя в угол.

Но однажды все изменилось. Решив раз и навсегда покончить с поиском идеального спутника для своей не совсем вменяемой натуры, Пола просто взяла и вышла замуж за молодого, но подающего большие надежды архитектора по имени Жозеф, цинично отметив для себя: «Хороший парень, нет смысла больше думать об идеальных чувствах, остановлюсь-ка я, пожалуй, на нем». С тех пор ее жизнь стала гладкой, как вновь накапанная дорога, и сладкой до невозможности, но, к сожалению, и бесчувственной до смертельной тоски. Порой даже начинало казаться, что реальность исчезла вовсе, а взамен ее появился некий китч в виде постриженной, как майский газон, жизни, с правилами которой Пола не могла смириться, но и бороться не собиралась.

«Ну что ж, нужно всегда чем-то жертвовать! – шептало Поле обленившееся сердце. – В конце концов, не все так плохо! Ты – генеральный менеджер проектного отдела в огромной строительной корпорации, он – весомая личность в архитектурном мире, у вас роскошная квартира, отличная компания друзей и размеренный ритм

существования. Может, это и к лучшему? Зачем гнаться за тем, чего не существует? Брат-близнец не родился. Пусть все будет так, как есть!..»

Г Л А В А

3

Пола. Поле. Полынья. Половецкая орда, на своем пути сметающая все живое. Наполненная до краев чаша горькой одурманивающей смеси. Она ни полюс Парижа, ни тихая гавань, ни нежная услада сердца. Моя Пола – это ядерная бомба, взрывающая тысячу Хиросим, никогда не заканчивающаяся дорога. Она полынь и мед одновременно, дитя Марса и Венеры, но именно это и завораживало меня в ней, завораживало и так неумолимо влекло к красоте, что заключалась в тех необычных, на первый взгляд, слишком эксцентричных действиях и поступках, из которых и сплетался шальной, но цельный и сильный характер.

Сколько нерастраченной нежности, неиссякаемой жажды любви, пленительной ласки и мудрого спокойствия было там, в глубине, куда заглянуть позволялось немногим! Как чудесно и сладко оказывалось порой сидеть с ней в обнимку в те нечастые минуты наших свиданий и слушать биение ее сердца. Странно, что мы никогда не принимали всерьез позывные своих душ, выискивая любую возможность доказать один другому, что кроме дружбы не существует ника-

ких иных порывов. Зная каждую тонкую нить, дернув за которую увидишь великое перевоплощение из саркастического циника в ласкового и нежного ребенка, понимая все тайные мотивы поведения девушки, живущей по соседству, подруги по бессонным кутежам, за всю жизнь я так ни разу и не попытался стать ближе к ней, превратить нашу сильную симпатию в доверительные и теплые отношения. Наоборот, чем дальше уходили мы от искренней юности, тем сильнее распалая в нас страсть жажду в странной и рискованной игре под названием «Кто кого сделает первым». Подобно огромным снежным лавинам мы летели вперед, обгоняя друг друга, ненавидя себя за проигрыши и уступки, не ведая страха и упрека, теряя по пути главное – жизнь. И теперь, когда все закончилось так нелепо и внезапно, когда некого винить, кроме себя самого, да и себя винить уже поздно за дешевый эгоизм, не позволивший пропустить в мой мир ту единственную, о которой думаю теперь безустанно.

«Кто я такой?» Да как вам сказать? В принципе, Никто или, скорее, Ничто. В моем случае значение данных слов крайне не важно.

Ничто! Как все еще удивительно непривычно звучит для меня это слово. Хотелось бы промямлить «НЕЧТО». В этом местоимении проскальзывает хотя бы отблеск мало-мальской надежды на завтрашний день, на перемены, на прощение, на рационализм существования, но, увы, я имен-

но Ничто. Я мертвый. Меня больше нет. Пшик! Я куда-то провалился.

Поразительная несуразность бытия. Твое имя больше не имеет никакого значения, происходит полнейшее обезличивание, стирание образа. Даже и не трагичная, а просто унижительная вещь! Никогда не задумывался раньше о фальши, с которой люди пытаются заискивать перед памятью умершего человека. Те, кто еще вчера обливали тебя грязью за глаза, сегодня цинично выдавливают слезы и со вздохом горечи рассуждают: «Какой человечине ушел!», а после сами собой возникают разговоры на философские темы о небытии, материи, движении и пустоте, о смерти, будто и не умер никто и им самим никогда не покинуть этот мир.

И вот я говорю о себе: «Я мертв». И все еще силюсь в это не верить, не вспоминать мгновения, когда отметка подошла к нулю.

Родственникам, конечно, было удобно сказать: «Случился микроинсульт». А что им оставалось делать? Нужно как-то выкручиваться, когда твоего близкого человека находят бездыханным в луже крови при необъяснимых обстоятельствах. Но я-то знаю, какими были эти необъяснимые обстоятельства, которые свели жизнь весьма здорового и молодого мужчины в одно единственное слово «Ничто!»...

Она пришла на мои похороны разодетая, как голливудская кинозвезда, превратив траурную процессию в фарс. Но, если честно, я на нее не

в обиде. В этом вся Пола. Ведь только ей могло прийти в голову приблизиться к гробу, бесцеремонно отодвинув в сторону плачущих и скорбящих, и, наклоняясь, шепнуть: «Какая же ты сволочь», а потом спокойно удалиться, наплевав на все приличия и уважение к покойнику. Это так великолепно! Все, что могло запомниться среди дождливых и мрачных лиц, – фееричная ненависть, экстравагантная месть. Я был сражен наповал! Конечно же, я сволочь. Разве можно отрицать очевидное? Ведь все эти сумасшедшие шестнадцать с небольшим хвостиком лет мы сражались за право последнего слова и думали, что еще долго будем заниматься глупой игрой, ведь впереди такая авантюрная бесконечная жизнь! Кто предполагал, что все так быстро закончится? Если бы я только мог об этом знать, я бы торопился. А вместо постоянных поддевок и насмешек сказал бы ей однажды: «Как же я люблю тебя, моя дикарка, мой тайфун, сметающий все на своем пути, моя девочка-мечта».

Вот это точно был бы мой триумф! Моя победа. Но я не успел. Не успел сказать, узнать, не успел услышать ответ. Странно. На самом-то деле, пытаясь вписаться в глупые виражи нашей гонки, зажатые в тисках придуманного мира и нежелания пойти навстречу друг другу, мы совсем потеряли близость. Все, что мы имели, – наша юность и воспоминания. Все было прошлым, но не настоящим. Сила притяжения, сводившая нас периодически, спустя годы превратилась в однобокость и ущербность. Даже стыдно подумать,

что я ведь так и не понял, кто ее новые приятели, счастлива ли она в браке, какие планы имеет на будущее! Ее жизнь вне наших столкновений меня не сильно-то и волновала. Бьюсь об заклад – Полу тоже не обременяли мои будни. Что поделатъ – пока мы живы, мы эгоистичны.

И вот теперь, имея целую вечность времени, мне так интересно знать, что же я упустил. С тех пор как меня не стало, каждую минуту думаю о Поле. Какая она на самом деле? В чем ее радости и горести, победы и стремления? Мне необходимо об этом узнать! Всю прошлую неделю я посвятил мысленному интервьюированию ее друзей и коллег по работе. Удивительно, как поразному можно видеть одного и того же человека, думать, что знаешь его лучше чем кто-либо другой, и даже на сотую долю в своей правоте не приблизиться к истине! И все же, словно сотканная из лоскутков, словно каплями пены морской сотворенная, появлялась моя Афродита на белой плоскости воображаемого листа, превращаясь порой в жестокую деспотичную бестию в женском обликии, порой в невинного ребенка, беззащитного и смешного, а я, словно подглядывающий в замочную скважину ненормальный, судорожно цеплялся за любое брошенное невзначай или сказанное специально о ней слово, живя этим словом, лелея каждое ощущение, прорастающее в моей душе с возвращением из прошлого этого странного создания.

Так появились мои первые зарисовки.

– Самуэль, что ты думаешь о Поле?

– А? Что? Вы ко мне обращаетесь? Что я могу о ней думать? Она мой босс.

– Нет, нет! Как ты можешь охарактеризовать ее?

– А Пола об этом не узнает?

– Зачем ты так? Это только для книги. (Здесь я сам себя передразниваю: «Только для книги! Хе-хе-хе!») Да и имена в ней будут изменены.

Я тихонько включаю свой мнимый микрофон и замираю в предвкушении. Мне так хочется написать самую лучшую в мире книгу не ради славы или денег, а ради нее – этой дивной чародейки с пристальным взглядом огромных глаз цвета темно-синих чернил.

Парень с кудрявой длинной шевелюрой откладывает ручку в сторону.

– Ок! Она красива, очень красива, – улыбается Самуэль, – умна, амбициозна, энергична. Пола – мой идеал! – слегка краснеет. – Конечно, ее иногда заносит. Честно говоря, ей трудно тормозить на поворотах, но, в принципе, человек Пола неплохой и отличный руководитель.

– А как по мне, так просто стерва, самолюбивая и жестокая, – вмешивается Зои.

Эта девочка-мальчик со стрижкой под пажа старательно пыталась скрыть длинную стрелку на колготках, прижимая ногу к тумбочке.

– Слишком много гонора. Создает вокруг себя ореол неприступности, вот и весь фокус. И никакая она не красавица, просто имеет деньги, чтобы ухаживать за собой! – Зои пренебрежительно

кривится. – Небось переспала с кем надо, чтоб должность заполучить.

– Это она злится на Полу, потому что та заперла ее проект, – заливается смехом щербатая толстушка Сюзен. – Но если говорить честно, Пола довольно жесткий человек, хотя веселиться она тоже умеет, правда, только когда ей этого хочется.

Все, соглашаясь, кивают.

– Это уж точно!

В диктофон вставляю кассету с надписью: «Питер – Валери». Перед глазами появляется красивая гостиная в стиле шестидесятых: с кожаными диванами молочного цвета, с низеньким журнальным столиком и огромной шкурой коровы на полу в центре зала. Кофейно-белые пятна расплзлись по ее краям, словно пытались убежать к длинной стене, вдоль которой растянулись стеллажи книг. От их количества душа замирает в тихой радости, и с упоением я шепчу: «Селин, Годар, Жане», не замечая, что пленка давно уже шагает вперед, стремясь вобрать в себя всевозможные тайны. А после моего неожиданного отступления на ней раздается несмелое покашливание, затем слышится приглушенный мужской смех и человек по имени Питер начинает излагать историю, вплетая очередную нить в дивное полотно под названием «Пола»:

– Мое отношение к этой паршивке слишком неоднозначное. Найдется не меньше ста причин, по которым я давно мог бы ее убить. Взять хотя бы ту, что она обольстила моего друга, а не меня. На черта он был ей нужен! – Питер раздражает-

ся громким смехом, в котором еле уловимо чувствуется давно забытая обида. – Помню, пошли как-то мы в ту пору на каток: Пола, Жозеф, мой друг и будущий ее муж, я и моя Валери. Катаемся по кругу с другими людьми попеременно, каждый в меру своего умения и желания, и вдруг она в центре льда останавливается и пируэты крутить начинает, а сама просто лучится светом – в белой шубке с маленькими косичками, торчащими из-под вязаной шапки. Просто не Пола, а загляденье. Я стараюсь не смотреть в ее сторону, ведь понимаю, что делает чертовка все это специально для привлечения внимания. Все понимаю, а глаза так и тянутся к смешливой рожице, и одна мысль в голове: «Ну не девочка, а загадка. Разгадать бы!»

– Разгадали? – спрашиваю волнуясь.

– Да. Но лучше бы не разгадывал. К сожалению, неординарность Пола прямо пропорциональна ее зловредности. Поверьте, я знаю, о чем говорю! Порой, в дальнейшем, ближе познакомившись с ней, я думал: «А была ли та задорная малышка на льду, влекущая к себе неудержимо, на самом деле?» И не всегда мне удавалось поверить в ее существование. Обиднее всего, что Поле не нужны друзья. Дружбу она путает с поклонением, жажду которого не может утолить, как бы ни старалась. Отсюда требовательность, властность, раздражительность и обидчивость. Поле все время кажется, что никто ее не в силах понять. Кстати, вы знаете, она верит в свою из-

бранность. Да-да! Правда, в избранность довольно странную, какую-то мазохистскую.

Питер, как и Жозеф, муж Полы, – архитектор. Они работают вместе уже многие годы и дружат семьями, по его словам. Питер, на первый взгляд, не слишком красив, почему-то бросается в глаза именно его маленькая бородавка на мочке уха и рыжая веснушка на самом кончике носа, но с каждой новой минутой я начинаю понимать, что магия его обольщения в чем-то мне недоступном – во взгляде, в тембре голоса, в спокойных мужественных жестах. Он импозантен, уверен в себе, улыбается снисходительно, словно дает понять, что все мои старания – юношеская шалость. И тем не менее мужчина охотно отвечает на вопросы, желая быть причастным ко всему, что касается Полы. Из такого поведения я заключаю на сто процентов, что она отвергла его когда-то и он до сих пор не простил нанесенной обиды.

– Питер, а как вы думаете, у Полы есть любовники?

– Есть ли у нее любовники? Ха-ха! Об этом нужно спросить у моей жены. Женщины о таких вещах разговаривают больше, чем мужчины! Валери! Иди сюда! Скажи, у Полы есть любовник?

Валери – красивая крупная блондинка с пышным бюстом и крутыми бедрами плодовой самки.

– Думаю, у нее никого нет.

– А у тебя? – Питер легонько шлепает ее по заднице. – А ну, расскажи папочке, у тебя есть любовник?

– Да прекрати! С тобой найдешь любовника, как же! Только посмотришь в чью-то сторону, он уже тут как тут нарисовался.

Смех у Валери очаровательный. Его нежная хрипотца делает женщину еще более привлекательной и желанной. Глубокое декольте на ее блузе доходит почти до розовых ореолов сосков.

– Вот Поле повезло! Жозеф постоянно в командировках. Настоящий понимающий муж!

– Я тебе дам «понимающий муж».

Питер делает разъяренный вид, потом добавляет смеясь:

– Если честно, мне тоже кажется, что у нее нет любовников, я имею в виду Полу, а не мою жену! Ха-ха! Она слишком правильная в этом отношении! Хотя бывает такой сумасбродной...

– Сумасбродной?! Да не то слово! – Пьер, однокурсник Полы, последний в моем списке друзей и товарищей, комично хватается за голову. Его голос на пленке почти не разобрать из-за грохочущей музыки. – В клубе, где я придумал встречу, в четверг вечером яблоку негде упасть.

– Не хочу припоминать все ее выкрутасы, но, если честно, иногда ее просто убить хочется. Как что-то отмочит – хоть стой, хоть падай. И все это делает с невинным видом, будто маленькая девочка, которая и понять толком-то не может,

какую гадость сказала. Эпатажный ли она человек? Думаю, да.

Пьер с наслаждением потягивает виски. На нем стильный вельветовый пиджак и рубаха в тонкую черную полоску. Парень – баловень судьбы, это чувствуется, но в его жестах и общении нет и капли высокомерия.

– Капризная ли? О! Мой друг! Конечно, да! Как любая красивая женщина, знающая себе цену!..

– Пола, скажите, вы любите своих друзей? – спрашиваю я с интересом сидящую напротив меня за столом молодую женщину. (Теперь я журналист, желающий написать о ней книгу. Конечно же, мое имя совершенно ей незнакомо. Мы никогда не встречались прежде. Так, по крайней мере, хочет мое воображение, и я придумываю новые сюжеты, сулящие яркие приключения).

От волнения мой голос становится слегка хриплым. Пола смотрит на включенный диктофон. Он смущает ее.

– Зачем вы все это пишете? – спрашивает она, внимательно изучая меня.

– Чтобы быть правдивым, когда начну свой роман.

– Бессмысленно. Все равно ничего не выйдет. Правда сегодня одна, а завтра другая. Она зависит от настроения, погоды, состояния здоровья. Один и тот же человек может сказать о вас в разное время совершенно противоположные вещи, если вы его сначала приголубите, а потом оттолкнете.

– Я буду стараться основываться на фактах, – попытался оправдаться я, отводя взгляд от ее искривленных в усмешке губ.

Они возбуждают меня. Это мешает работать.

– Выключайте свой диктофон, и я расскажу вам о своем отношении к людям. Хотите правду? – засмеялась она лукаво.

– Только правду, – пробую шутить в ответ.

У нее удивительно смелый взгляд. Отсутствие косметики придает лицу детское озорство. Кокетка знает, что совершенно бесподобна в своей девственной красе, и поэтому не прячет стыдливо глаза, как большинство женщин, ложно думая, что их оружие обольщения в пудрах, помадах и тональном креме. Как же очаровательна девичья щечка неподдельной естественной бархатистостью! Как миловидна маленькая родинка над вздернутой губкой!

– Я не люблю людей, – вызывающе бросает Пола. – Бывают мгновения, когда кто-то из них становится на миг мне очень близок и дорог, особенно кто-то из прошлого. Безумно, знаете ли, люблю ностальгировать! Но как только проходит момент сентиментального отношения к миру, все возвращается на круги своя. Я одиночка. Хотя в то же время ярко выраженный экстраверт. Представляете, как тяжело мне с собой уживаться?! Когда-то были люди, которые, казалось, наполняли мою жизнь смыслом, и я свято верила, что с их уходом непременно умру сама, – девушка печально улыбнулась, быть может, вспомнив обо мне. – Увы! В юности каждая потеря стано-

вится трагедией. Сейчас у меня нет близких людей, кроме матери. Все остальные человеческие особи существуют со мной в параллельном мире. Такие мысли должны принадлежать жестокому человеку, но я не бесчеловечна, скорее, даже добрая, просто самодостаточная. Это мое мнение на сегодняшний день. Что я буду думать завтра о себе, не знаю. Можно задать вам вопрос?

– Да, конечно.

– Станет ли известной книга, в которой не будет сенсаций?

– Думаю, нет.

– Тогда зачем вам это нужно?

– Не знаю. Может, у вас просто очень красивые глаза.

– Их все равно не увидит читатель. Разрешаю придумать душещипательную историю. Обещаю не критиковать. Это было бы даже забавно.

– Хорошо, попробую, – отвечаю, яростно злясь на свою беспомощность.

И вот я уже сижу за письменным столом в небесном кабинете. Закрывшись от мира на замок любви, так отчаянно мечтаю о ее манящем изгибе бедра, очаровательной тени у ее подмышки, что почти дотрагиваюсь до этих бархатистых плеч, целуя их с упоением, а моя история сама собой начинает появляться на белых страницах облаков. Девушка в красивом шифоновом платье скользит по листам, оставляя след в виде множества слов, точек, запятых и многоточий. Иногда она улыбается, иногда плачет или злится, но какой бы она

ни была, в каком бы настроении ни пребывала, она живая. И это самое главное. И мне так хочется быть с ней рядом, любить ее, ласкать теплое разнеженное после соития тело, зарываться в копну каштаново-золотистых волос. Но сколько бы я ни мечтал, каким бы длинным ни оказался мой роман, мне никогда не вернуться к ней и ничего не вернуть. А раз так, тогда пусть лучше я буду в этом романе не главным действующим лицом, не мужем, не любовником, а другом, который всегда будет рядом. Я так хочу! Это мое право!

Г Л А В А

4

Однажды в кабинете Пола раздался телефонный звонок. Человек на другом конце провода сказал запинаясь:

– Здравствуйте, Пола. Меня зовут Доменик. Вы, наверно, меня совершенно не помните. Мы встречались всего один раз несколько месяцев назад. Я дизайнер из «РС Студио». Наша организация разрабатывала макет вашего объекта...

– Я помню вас, – сказала Пола, не давая ему продолжить объяснения.

Действительно, она прекрасно помнила странного мужчину лет сорока, с которым зимой ее случайно свел случай.

– Правда?! Как хорошо! – обрадовался Доменик. – Тогда мне будет намного проще говорить! Прошу, выслушайте меня внимательно и, если можно, не перебивайте, даже если моя речь